

Су Пинь, преодолевая тяжесть древнего барьера, уже направила в тотем тонкую струю духовных сил, как вдруг случилось непредвиденное: защита резко уплотнилась, сокрушительно отвергнув её чужеродную энергию.

«Как же так?»

Су Пинь нахмурилась, растерянно глядя на свои ладони.

Делать было нечего. Ей оставалось лишь отступить к Шэнь Цинчжоу и беспомощно развести руками, показывая, что она сделала всё, что в её силах.

Шэнь Цинчжоу удивился ещё сильнее. Неужели тотем поначалу принял Су Пинь лишь потому, что уловил знакомые отголоски её ауры, но стоило той применить собственную духовную силу, как древний камень распознал чужака и мгновенно восстановил барьер?

И Цинь Сыминь, и страж Су находились на позднем этапе стадии Очищения Эссенции. Почему же Сыминь отбросило сразу, а Су Пинь не пострадала от этой сокрушительной отдачи?

Как бы там ни было, теперь Шэнь Цинчжоу оставалось рассчитывать только на себя.

В его голове вихрем проносились догадки, однако внешне он ничем не выдал волнения. Медленно, шаг за шагом, он приблизился к тотему и осторожно прижал ладонь к каменной стене.

В то же мгновение камень отозвался мощной тягой. Вся духовная энергия Шэнь Цинчжоу, подчиняясь этой непреодолимой силе, хлынула к кончикам его пальцев.

Сердце пропустило удар, но он переборол секундную панику и подавил порыв отдёргнуть руку, позволяя тотему беспрепятственно впитывать свою энергию.

К счастью, прожорливая пустота исчезла так же быстро, как и появилась, а следом пещеру затопило ослепительное сияние.

Яростные лучи, вырвавшиеся из глубин каменных узоров, заставили всех троих зажмуриться и вскинуть руки, закрывая лица. Тёмный грот в одно мгновение залило нестерпимым белым светом — ярким, беспощадным, словно полуденное солнце.

Земля ушла из-под ног, пространство вокруг покачнулось и завертелось. Невидимая, но неодолимая сила толкнула их вперёд. Когда они наконец восстановили равновесие и открыли глаза, ослепительная вспышка уже угасла. Перед ними простирался длинный, уходящий во тьму каменный коридор.

Обе стены галереи покрывали старинные рунические круги, иссечённые грубыми, резкими штрихами. Безжалостное время не пощадило древнюю работу: большая часть знаков давно выцвела и омертвела, и лишь редкие, уцелевшие символы испускали слабый, мерцающий свет, подобно догорающим свечам.

— Неужели... неужели это и есть?.. — прошептала Су Пинь. На её лице отразилось крайнее изумление.

Она застыла, заворожённо глядя вглубь галереи, а затем перевела на Шэнь Цинчжоу сложный, полный вопросов взгляд.

Когда она решилась на этот шаг, то лишь хваталась за соломинку, отчаянно и без особой надежды. Кто бы мог подумать, что этот Цинь Куньюй из клана Цинь действительно знает путь в легендарное Царство Шаохао!

«Но откуда у него эти знания? Неужели всё из-за того странного сна?»

«Почему древний запрет пропустил его без малейшего сопротивления, в то время как меня и Старшую молодую мисс Цинь тотем безжалостно отверг?»

«Принцесса ошиблась в своих оценках. Этот Цинь Куньюй далеко не так прост, как кажется!»

От этих мыслей на душе у Су Пинь стало беспокойно.

Спутники ускорили шаг, углубляясь в сырые коридоры. Су Пинь не ослабляла бдительности, однако, если не считать удушливого запаха плесени и вековой пыли, им ничто не угрожало.

Шэнь Цинчжоу, напротив, шёл совершенно спокойно. Чжоу Фу лично заверил его, что здесь безопасно, а зная характер этого человека, можно было не сомневаться: он скорее промолчит, чем опустится до лжи.

Су Пинь, сгорая от беспокойства за принцессу Чандин, торопилась всё сильнее и под конец почти побежала. Её хрупкий силуэт то и дело пропадал в колеблющихся тенях коридора.

Шэнь Цинчжоу уже собирался прикрикнуть на неё, чтобы она не отставала и не убегала вперёд — в таких местах одиночество грозит бедой, — как вдруг из темноты донёсся резкий вскрик Су Пинь, который многократным эхом покатился по каменным сводам.

Шэнь Цинчжоу внутренне подобрался. Цинь Сыминь тоже насторожилась, вглядываясь в непроглядный мрак впереди.

— Быстрее сюда! — донёсся встревоженный, но скорее возбуждённый голос Су Пинь.

Опасностью от её крика не пахло, скорее безудержным удивлением.

— На стенах... тут везде рисунки!

«Рисунки?»

Заинтересовавшись, Шэнь Цинчжоу ускорил шаг и вскоре поравнялся с девушкой. Он проследил за направлением её руки и поднял взгляд на стену.

Су Пинь не ошиблась. Серый камень покрывали бесчисленные резные фигурки людей. Они застыли в самых разнообразных позах среди едва различимых пейзажей и строений, складываясь в одну грандиозную, непрерывную летопись.

Рисунки в левой части коридора отличались поразительным изяществом: мастер искусно передал даже тончайшие складки развевающихся на ветру одеяний. Однако чем дальше вправо уходил узор, тем более небрежным и топорным становилось исполнение. Под конец фигурки превратились в грубые, едва угадываемые силуэты, больше похожие на детские каракули.

— Смотрите, — Цинь Сыминь указала пальцем на один из наиболее сохранившихся фрагментов.

Эта часть барельефа была выполнена с особым усердием и изяществом. На ней была изображена скромная соломенная хижина. Сквозь резное оконце угадывался силуэт отдыхающего внутри благообразного мужа. У дверей застыл юный слуга, а во дворе стоял гость примечательной наружности: руки его достигали колен, а мочки ушей касались плеч. Позади него высились двое попутчиков — один статный, с величавой длинной бородой, другой — широкоплечий, свирепый, с округлыми, словно у леопарда, глазами.

Голос Цинь Сыминь прозвучал на редкость уверенно:

— Это «Три визита в соломенную хижину».

Эти будничные слова прозвучали подобно грому среди ясного неба. Спутники застыли, не в силах осознать услышанное.

«Три визита в хижину?»

«Но как такое возможно? Они стояли на пороге древнего Царства Шаохао, запечатанного пять тысячелетий назад. Откуда в этих первобытных катакомбах взялись сюжеты из эпохи Троецарствия?!»

Страхнув оцепенение, Шэнь Цинчжоу шагнул ближе. Вместе с Су Пинь они принялись жадно разглядывать древний камень.

Глубокие борозды, пробитые в скале, судя по всему, высекались наспех, обычным острым кремнем или обломком породы. Толщина линий постоянно менялась, мастерство автора от рисунка к рисунку заметно хромало, но характерные росчерки выдавали руку одного и того же неизвестного творца.

— Глядите сюда! А это... неужели «Переправа с народом через реку»? — потрясённо выдохнула Су Пинь.

— А чуть ниже, — добавила Сыминь, указывая на приземистый выступ стены, — «За чашей вина ведут беседу о героях».

— И вот здесь... Обет в Персиковом саду?

Шэнь Цинчжоу тут же кивнул, всматриваясь в соседнее изображение:

— А рядом, без сомнения, Чжао Цзылун, спасающий молодого господина в одиночку.

— А тут...

— И вон там тоже...

Сюжеты раскрывались перед ними один за другим, заставляя переглядываться в немом замешательстве. Кто оставил эти следы? Какая неведомая сила заставила неизвестного художника высекать историю эпохи Троецарствия в этих вековых глубинах запечатанного Царства Шаохао?

Сам того не замечая, Шэнь Цинчжоу сместился к левому краю барельефа. Он замер перед финальной картиной, не мигая всматриваясь в грубые контуры камня.

На ней был запечатлён умирающий на ложе, вокруг которого на коленях толпились плачущие приближённые. Несколько безмолвных фигур скорбно застыли за тяжёлым пологом у изголовья. Каждая линия дышала глубокой, искренней скорбью.

Шэнь Цинчжоу стоял как изваяние, словно его разум и воля оказались затянуты внутрь этого безмолвного каменного сюжета.

Заметив его странное оцепенение, Цинь Сыминь легонько потянула его за край рукава. Не дождавшись ответа, она с силой сжала его плечо.

Шэнь Цинчжоу вздрогнул, вырываясь из омута мыслей, и рассеянно посмотрел на сестру.

— Что там? — тихо спросила она.

— Да о чём вы вообще? — Су Пинь недоумённо переводила взгляд с одного на другого.

Шэнь Цинчжоу вздохнул и тихо пояснил:

— На последнем рисунке запечатлена кончина императора Чжаоле и его предсмертный наказ в Городе Белого Императора.

«Твой талант в десять раз превосходит способности Цао Пи. Ты непременно принесёшь покой государству и завершишь наше великое дело. Если наследник достоин — помоги ему, если же он окажется бездарен — прими власть сам».

Эти слова Лю Бэй произнёс на смертном одре в марте третьего года под девизом Чжаньу, обращаясь к Чжугэ Ляну. И все последующие одиннадцать лет его верный министр без остатка отдал служению государству — до последнего своего вздоха. Поистине, явленный ими пример верности правителя и слуги останется непревзойденным образцом на все времена.

— Почти все сюжеты здесь посвящены деятелям династии Шу Хань, — подметил Шэнь Цинчжоу. — И повествование обрывается именно на кончине прежнего владыки Лю в Городе Белого Императора. Похоже, перед нами — каменная летопись его жизни.

«Лю Бэй? Почему именно он?»

Какая связь могла существовать между древним Царством Шаохао и судьбой Лю Бэя? Разве только то, что Лю Бэй окончил свои дни в Городе Белого Императора, а само Царство Шаохао в древности величали Городом Белого Императора. Никаких других нитей, связывающих столь разные эпохи, Шэнь Цинчжоу припомнить не мог.

Однако размышлять над этой загадкой было некогда. Су Пинь вновь затеребила спутников, поторапливая их идти дальше. Судьба принцессы Чандин по-прежнему оставалась неизвестной, и тратить драгоценное время на разглядывание древних наскальных рисунков казалось ей верхом безрассудства.

Оставив позади таинственный барельеф, путники двинулись вглубь туннеля, погружённые каждый в свои думы.

Коридор петлял, уводя их всё глубже в недра горы. Бесконечные повороты и развилки давно сбили их с толку — определить стороны света в этой мгле было невозможно, оставалось лишь полагаться на ощущение уклона: дорога неуклонно вела вниз.

Су Пинь едва сдерживала нетерпение, то и дело порываясь ускорить шаг, но, глядя на невозмутимого Шэнь Цинчжоу, бравшего пример с ледяного спокойствия камней, заставляла себя дышать ровнее.

Шэнь Цинчжоу действительно никуда не спешил.

Ещё перед спуском Чжоу Фу объяснил ему, что названия «Царство Шаохао» и «Город Белого Императора» не совсем точны. На самом деле всё это подземелье представляло собой колоссальную, древнюю духовную формацию.

Опорой для этой подземной галереи служили исполинские кости первобытных чудовищ, облицованные редкими породами камня и засыпанные сверху обыкновенной глиной ради маскировки. То, что некоторые малые рунические круги на стенах давно угасли, вовсе не означало, что само великое построение утратило силу.

Чжоу Фу тогда многозначительно обмолвился, что древние чары продолжают действовать и поныне.

Если верить его наставлениям, выбранный ими проход вел прямым к средоточию всей формации.

В беспросветной мгле подземных чертогов чувство времени окончательно стёрлось.

Казалось, они шли целую вечность, когда коридор внезапно оборвался, открывая взору невероятное зрелище.

Путники оказались на краю исполинской подземной каверны. Прямо перед ними возвышался гигантский жертвенник, смутно напоминавший Алтарную террасу императоров, но превосходящий её величием во много крат. Шэнь Цинчжоу закинул голову, пытаясь рассмотреть свод этого рукотворного грота, но тот терялся в непроглядной вышине.

Из провалов в стенах тянулись толстые медные цепи. Испещрённые тускло мерцающими знаками, они опутывали в несколько плотных колец стоящее в самом центре жертвенника каменное изваяние, очертаниями похожее на человека.

Формацию закладывали в эпоху, когда человечество ещё не знало секрета плавки железа. Люди тогда лишь начинали ковать медь, и их кузнечное ремесло было крайне примитивным.

И всё же эти потемневшие от времени, полуразрушенные звенья источали столь колоссальную, поистине первозданную мощь, что у каждого, кто осмеливался на них взглянуть, перехватывало дыхание от благоговения.

Цинь Сыминь и Су Пинь застыли, потрясённые до глубины души. Стоя перед лицом столь

неодолимого и древнего величия, трудно было не ощутить собственную ничтожность — краткость человеческого века и хрупкость плоти перед лицом вечности.

Шэнь Цинчжоу, уже видевший овеянную ветрами Алтарную террасу императоров, перенёс это зрелище легче. Его больше занимала техническая сторона: как эти грубо скованные, хрупкие на вид медные звенья умудряются удерживать внутри себя столь сокрушительную энергию?

Каменные стены каверны повсюду украшали искусные барельефы с птицами — одни сидели, сложив крылья, другие стремительно взмывали ввысь, создавая живую, многоголосую картину единого порыва.

— Феникс правит всем птичьим царством, — негромко заговорил Шэнь Цинчжоу, переводя взгляд с одного рисунка на другой. — Шаохао велел ласточкам ведать весной, сорокопутам — стеречь лето, попугаям — править осенью, а фазанам — распоряжаться зимой.

Он указал рукой на исполинское изображение ласточки, занимавшее почти половину восточной стены.

— Восток — царство весны. Значит, мы смотрим точно на восток.

— А ещё заботливые горлицы отвечали за обучение, яростные хищники — за ратное дело, справедливые кукушки — за строительство, грозные орлы — за суд и закон, а речистые голуби — за гласность и указы.

Шэнь Цинчжоу опустил взгляд себе под ноги. Оказалось, что древними тотемами покрыты не только своды и стены, но и сами каменные плиты пола.

Жертвенник окружали изображения тех пяти птиц-управителей, за которыми следовали девять видов перелётных птиц, ведавших пахотой, и пять видов диких фазанов, покровительствующих ремёслам.

Все они застыли в вечном полёте, устремив взоры и клювы к центру каверны, словно в великом поклонении — явлении «Ста птиц, летящих к фениксу».

— Кое-что здесь не так, — Шэнь Цинчжоу нахмурился.

— Что именно? — отозвалась Су Пинь, с восторгом разглядывая бесконечные каменные узоры.

Потерев подбородок, Шэнь Цинчжоу окинул внимательным взглядом круговую панораму барельефов. Затем он повернулся к Цинь Сыминь и попросил её взлететь на мече к самому своду пещеры, чтобы проверить, нет ли узоров там.

Окутанная холодным сиянием своего клинка, напоминающим лунную дорожку на воде, Сыминь взмыла вверх. Она двигалась бесшумно и стремительно, словно порыв ночного ветра. Осмотрев каменный потолок, девушка опустилась обратно на плиты и покачала головой.

— Совсем пусто? — Шэнь Цинчжоу нахмурился ещё сильнее.

— Ничего, — подтвердила Сыминь.

Су Пинь не выдержала. Её и без того нетерпимый нрав изнывал от бесконечных недомолвок спутника. Она шагнула вперёд:

— Да что ты пытаешься там найти? И что вообще должно быть на потолке?

Шэнь Цинчжоу ответил без утайки:

— Весь этот грот — одна огромная картина поклонения великому Фениксу.

— Ну да, — недоумённо пожала плечами Су Пинь. — И в чём же странность?

— В том, что здесь сокрыто великое противоречие, — Шэнь Цинчжоу пристально посмотрел на неё. — Если все птицы мира устремились сюда ради поклонения Владыке, то где же сам Феникс?

— Ох... — выдохнула Су Пинь. Действительно: среди сотен пернатых созданий племени Шаохао не было ни одного намёка на величайшего и благороднейшего покровителя. Такое упущение казалось немыслимым.

«Это совершенно бессмысленно».

Шэнь Цинчжоу задумчиво прикусил губу. Его взгляд скользил по переплетениям громоздких цепей, спускавшихся из мрака. В голове юноши разрозненные медные звенья разной толщины начали постепенно выстраиваться в единую, пугающе осмысленную структуру.

Не отрывая глаз от центрального жертвенника и скованного каменного исполина, он медленно пошёл вдоль кромки помоста, мысленно сопоставляя детали.

— Опять ты за своё? — недовольно проворчала Су Пинь. — Что ты там высматриваешь?

Шэнь Цинчжоу замер. Он торжествующе улыбнулся. Он махнул спутницам рукой:

— Быстрее сюда! Встаньте точно там, где стою я, и посмотрите на жертвенник.

Девушки послушно встали на указанное место. Стоило Су Пинь бросить один-единственный взгляд на жертвенник, как из её груди вырвался изумлённый вздох.

— Неужели... это же...

— Феникс, — бесстрастно, словно ледяной ветер, подтвердила Цинь Сыминь.

Медные цепи, спускавшиеся из-под невидимого потолка, переплетались в воздухе, образуя контуры гигантских раскинутых крыльев. Те же звенья, что крепились к стенам, складывались в роскошный длинный хвост. Само каменное изваяние в центре служило сердцем и телом этой невероятной композиции — воспаряющего, гордого Феникса.

— «Сто птиц летят к фениксу»... А сам Владыка всё это время был прямо перед нами... — заворожённо прошептала Су Пинь.

В то же мгновение по каверне пронёсся глухой рокот. Бесчисленные медные цепи разом ожили и заходили ходуном, словно невидимый исполин принялся яростно сотрясать их. С металлических звеньев дождём посыпалась многовековая пыль и ржавчина.

Земля содрогнулась. Жертвенник заходил ходуном под их ногами, а пещеру наполнил сокрушительный гул, перекрывающий любые звуки.

— Назад!

Древняя ловушка захлопнулась!

<http://bllate.org/book/18428/1823139>